

*Абрамович С. Д.,
доктор філологічних наук, професор, академик АН ВО України,
заведуючий кафедрою славянської філології та загального мовознавства
Каменець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка*

МАГИЧЕСКИЙ КРУГ РОМАНТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ЛЕРМОНТОВСКОМ «ДЕМОНЕ»

Аннотация. В статье исследуется способ художественного обобщения в лермонтовской поэме «Демон». Выход за пределы романтического, однозначного характера тут, при всем богатстве психологического рисунка, не осуществился, что, в отличие от героев Байрона, обусловлено традиционной христианской аксиологией, не допускающей «прощения сатаны».

Ключевые слова: библейский сюжет, образ демона (сатаны), романтизм, идеализация как способ художественного обобщения.

Дьявол – один из метасюжетов мировой литературы. Но сатана как персонификация однозначного Зла – плод размышлений комментаторов Писания, в то время как в самой Библии здесь наблюдается известная диалектика. С одной стороны, здесь сатана упоминается считанные разы – сказала древневосточная практика не сосредотачиваться на негативном. С другой, в Книге Иова сатана – ангел-скептик, вхожий в сонм ангелов [1, 22]. Начиная с Ренессанса, когда развернулись чернокнижие и ведьмовские процессы (у нас это почему-то принято относить к Средневековью)¹, и вплоть до легализации «церкви сатаны» в XX в., табуированный дьявол начинает вызывать жгучий интерес – как полюс Абсолютного Зла. Во многом это обусловлено тотальным воскрешением в европейской культуре ереси гностицизма, призывавшего выйти из-под власти Бога Библии, трактуемого в качестве отца зла и насилия. Этот интерес перетекает и в художественное слово. Тему падшего ангела муссируют Данте, Ариосто, Тассо, Марло, Мильтон, Лесаж, Вольтер, Гёте, Клопшток, Байрон, Байрон, де Виньи, Гюго, Эминеску, Брюсов, Блок и мн. др. Намечается даже «реабилитация сатаны»: согласно Бальзаку, Бодлеру, Жорж Санд, злой дух будто бы изначально живет в человеческом сердце. И особенно бравурно это обозначилось в романтизме. Вера в переустройство жизни после череды европейских революций угасает – результаты очевидны. Плакается погибший идеал, но при этом ширится дух протеста и отрицания. Распространяется скепсис и эрос без границ; поэтизируются убийство и садизм; из недр языческого прошлого извлекается опыт оккультизма; культивируются психотропные экстазы, сознание индивида «атомизируется». Романтизм конденсирует это в формуле «мировой скорби».

В такой атмосфере сатана становится сигнификацией освобождения – в первую очередь, от традиционной

морали. И такая победа была чревата сомнительными результатами – вспомним, во что вырождается жизнерадостное движение либертинов у маркиза де Сада. В российском обществе 1-й пол. XIX в. революционаристские и либертинские настроения также сменяются чувством одиночества и безвыходности, что трактовалось советскими исследователями как итог разгрома декабризма и невозможность примкнуть к политической борьбе; теолог, впрочем, расценил бы это как пустыню богооставленности. Но поэтические решения Лермонтова определяются не только западным влиянием, а ироссийской духовной атмосферой, в которой был все еще сильно осязаем, несмотря на все успехи секуляризации, традиционный православный стержень – в катехистическую программу церковная догматика входила непреложно, и, более того, была предметом живого обсуждения.

До сих пор исследователей «Демона» занимали иные аспекты. Для русской религиозно-философской мысли главными были вопросы не литературоведческие, а метафизические: так, В. Соловьев увидел в поэме «тяжбу с Богом» [3], а Д. Мережковский, напротив, провозгласил Лермонтова «священным богоборцем» [4]. После революции этот уровень поэмы фактически перестал изучаться. Советские исследователи (Б. Эйхенбаум и мн. др.) волей-неволей предпочитали компаративистское изучение библейских истоков сюжета. Но отчетливого представления о библейском истоке лермонтовского «Демона» нет ни тогда, ни в постсоветское время. Характерен отрывок из талантливого исследования Л. И. Вольперт: «Можно предположить (здесь и далее – подчеркивание мое, С. А.), что на Лермонтова, которого образ Демона «гипнотизирует» с 14-ти лет, впечатление произвели строки из книги пророка Исайи о Люцифере (это имя в русском переводе – денница) <...> В неканоническом варианте версия о Люцифере более развернута: рассказывается, что он упивался своим ангельским происхождением, сверхъестественными способностями, приближенностью к Богу; однако гордость его со временем стала так велика, что он не захотел иметь над собой господина, даже Господа Бога, и тот сурово покарал мятежного ангела за гордыню. Лермонтов, по-видимому, знал эту версию <...> («немой и гордый» *изгнанник* с юных лет приковывает его воображение)» [5, с. 105–106]. Тем не менее, сделано немало верных наблюдений – скажем, что у Лермонтова демоничен даже герой, персонифицирующий народ [6, с. 219]. Важен также вывод: «Демонизм романтической культуры был не только внешним перенесением в литературу нач. 19 в. образов из мифа о герое-богоборце или легенды о падшем отверженном ангеле (Прометей, Демон), но и приобрел черты подлинной мифологии, активно воздействовавшей

¹ Усиленные поиски ересей начались уже с XII века, но именно Ренессанс пролагает дорогу настоящему культу дьявола: «Гуманисты теснили бога, чтобы очистить место для человека. Но в сознании массового обывателя это место занял сатана. XVI–XVII вв. историки называют «золотым веком Сатаны», «взрывом дьяволизма» [2, с. 54].

на сознание целого поколения, создавшей высокоритуализованные каноны романтического поведения...» [7, с. 61]. Подробно исследовалось влияние Байрона [8, с. 479], хотя сразу же было отмечено: «Многое здесь подсказано Байроном, но не только им» [9, с. 18]. Но при этом тема сатаны трактовалась как иносказание неких социальных тяготений, что явно не соответствовало масштабу лермонтовского замысла. Здесь ощущалась явная недоговоренность, и характерно, что в 60-70 гг. XX в. начинается рассмотрение Лермонтова в ключе философской проблематики (А. Гуревич, В. Маркович, А. Рубанович, С. Ломинадзе), хотя «Лермонтовская энциклопедия» осторожно называет это направление «экспериментальным» (статья «Лермонтоведение»). Репрезентативна для ситуации статья Е. Пульхридовой, утверждавшей, что «Лермонтов в «Демоне» отозвался на все те искания в области гносеологии и философии истории, которыми мучилась передовая русская мысль в 30–40-е годы» [10, с. 77]; исследовательница неоправданно наделяет Демона развернутой «диалектикой души» в духе реализма: «Психологический портрет Демона зрелых вариантов поэмы – от первой кавказской редакции 1838 г. до ее последней переработки в 1841 г. – это как бы живое воплощение диалектики бытия, непрерывное столкновение противоположных начал. Внутреннее беспокойство, неустанное биение и развитие мысли, прерываемое яростными вспышками страстей, эмоциональными катастрофами ...» [11, с. 78]; при многих верных наблюдениях, религиозный смысл поиска Лермонтова подменяется здесь якобы развернутым у поэта сугубо философским поиском.

Особо следует упомянуть об исследованиях лермонтовского психологизма. Правда, он в основном развернуто изучался на материале «Героя нашего времени» (В. В. Виноградов, Л. Я. Гинзбург, К. Г. Локс, Е. Н. Михайлова, Б. Т. Удодов, М. М. Уманская, У. Р. Фохт, Б. М. Эйхенбаум и др.). Но характерно мнение Б. Т. Удодова: проблема психологизма – «одна из кардинальных в изучении творчества Лермонтова», но, несмотря на обилие исследований, «сохраняется устойчивое ощущение ее «открытости»» [12, с. 117]. Л. Гинзбург сделала ценные наблюдения над градацией иронии в ряду лермонтовских произведений на «демоническую» тему [13], но сочла, что применять термин «психологизм» следует только к реалистическому персонажу-характеру XIX в. [14, с. 300]. Однако возможен ведь и романтический психологизм, переживание субъектом «надмирной борьбы добра и зла» [15]. Важно также сделанное А. В. Карельским разграничение дедуктивного и индуктивного типов психологизма в литературе XIX в.: первый сконцентрирован на видимых результатах переживания, второй строится на анализе «изнутри» [16].

Сегодня исследователи в основном продолжают сложившиеся традиции. Продолжается изучение Библии как источника поэмы [17]; болгарская исследовательница рассмотрела поэму в ключе русской религиозной рефлексии [18]. Защищаются диссертации о психологизме Лермон-

това [19], о Лермонтове и Байроне [20] и др. Возникли уже и сугубо «православные интерпретации» «Демона» [21, 22, 23 и пр.], в которых, впрочем, единства нет: то утверждается, будто поэт побежден демонической силой, то он трактуется как существо «между Пророком и дьяволом».

Как видим, до сих пор, по сути, не прояснены до конца ни духовно-религиозное содержание лермонтовской поэмы, ни особенности ее сюжетно-композиционного замысла и ее нарративная стратегия, которые во многом определяют принципы художественной идеализации или типизации литературного характера.

Цель данной статьи – проследить реализацию сюжетного замысла поэта – вникнуть во внутренний мир Отца Зла – в ракурсе моделирования романтического характера.

В художественной литературе романтизм, исходящий из идеи непреходящей ценности личности, стимулировал интерес к динамике внутренней жизни персонажа, продиктованный возрастающей саморефлексией. Лермонтову тут принадлежит особое место. Но при этом многие согласны, что влияние Байрона тут – «первоочередное» [24, с. 77], что «Демон» повторяет Байрона, герой которого «презирает счастье, враждует с богом и царями, мучит себя и других и гибнет под натиском разрушительных страстей» [25, с. 95], и что «вовсе не случайно в 1830 и 1831 гг. Лермонтов зачитывался Байроном <...> Все вспомнили Байрона <...> поэта-борца, осуществившего в своем творчестве «союз меча и лиры» [26, с. 471], а, «если понижать байроновскую и лермонтовскую демоническую тему как тему неудавшихся порывов к субъективной свободе, то связь печоринства с демонизмом ясна» [27, с. 164]; в общем, «сущность Демона у Лермонтова, как и Люцифера у Байрона, в их мятежности, в восстании против авторитета бога» [28, с. 83]. При этом совершенно очевидно, что Демона исследователи, в общем-то, воспринимают как «замаскированного человека»: «Романтический образ демона, опирающийся на философию свободы, был более человечным, в силу того, что демон был осмыслен в соответствии с характерологией человеческого существа, имеющего сильные и слабые стороны» [29, с. 10]. Эта абберрация вовсе не случайна. Эпоха Модерна вообще исходила из того, что человек неизбежно низмен и порочен [30], хотя это – нигилистический перепев теологического, болем оптимистического воззрения: уже Августин говорил об испорченности человека первородным грехом и о возможности исправления человеческой природы.

Но Лермонтова занимало и не «социальное иносказание», и не «свободное философствование», а *экзистенциальная проблема Зла* как такового, которое, по христианскому взгляду, собственной природы не имеет и является лишь тенью Добра. У Байрона явственно ощутимо мощное влияние гностицизма; у Лермонтова, в отличие от боготорца Байрона, доминирует традиционный теологический аспект: трагическое омертвление души, отпавшей от Бога². Это естественно вписывается в культурное сознание поэта, пусть и испытавшего влияние идей немецкой философии [31, с. 11–12], но не приемлющего новейшего этического релятивизма. К таким вещам Лермонтов относился иронически: «*К тому же я совсем не моралист, Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу*» (поэма «Сашка»). Зато ему, по условиям тогдашнего русского образования,

² Серафим Саровский, современник Лермонтова († 1833), пишет следующее: «...они пытаются погубить тварьизнутри, склоняя человеческую свободу ко злу» [цит. по: 32, Глава VI. Образ и подобие].

должно было быть хорошо известно православное представление о могуществе Духа Зла и о связанности этого могущества Божественной благодатью. Фиксируемое же Е. Пульхритудовой смятенное движение Демона есть не поиск некой философской истины, но бесцельные перемещения. Скорее уж перед нами внутренняя мертвенность, компенсированная лихорадочными внешними метаниями в космическом масштабе, механическим разрушением всего и вся:

Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивления
И зло наскучило ему.

...

Окинул он холодным оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

[33, с. 505–506].

По мнению Р. Отто, опыт соприкосновения со Святым предполагает познание не только Добра, но и глубин Зла: «...на первой ступени своего развития религиозное чувство выступает поначалу только одним своим полюсом, а именно отталкивания, обретая контуры впервые в облике демонического ужаса» [34, с. 60]. Религиозный опыт Лермонтова и начинается с «отталкивания» от полюса Зла, известного юному автору давно и глубоко: «Проблема добра и зла, ангела и демона, рая и ада составляет идейный и языковый центр юношеских произведений Лермонтова. Он сам себя называет избранныком зла («Как демон мой, я зла избраннык») не потому, что он хочет оправдать зло (как порок), а потому, что высоко зло, связанное со страданием, («демонизм»), есть в сущности, результат недостаточности, неполноты и бессилия добра и рождено из одного с ним источника» [35, с. 17–18]. Более того, молодой поэт как бы хочет исчерпать содержание этой последней точки отпадения от Бога до дна. Послужил конденсации этого «одного полюса» и метод романтизма, которому автор «Демона» последовательно оставался верным: «Романтична поэма и по своей форме: построение ее подчинено задаче раскрыть внутренние переживания центрального героя, противопоставленного всему окружающему миру, – отсюда обилие монологов героя, патетически-декламационный слог, единый во всей поэме, одинаковый в речи автора и его любимого героя» [36, с. 104]. Но при этом назревающий «реалистический переворот», который начинал сказываться и в творчестве самого Лермонтова (параллельно с последними редакциями поэмы писался «Герой нашего времени») уже заявляет о себе. Цитированный тут У. Р. Фохт фактически отмечает эту внутреннюю сложность «Демона»: внимание принадлежит центральному герою, но взят он не «глазами окружающих», а «изнутри» – в монологах, которые эту цельность разрушают. С этой точки зрения интересно, что Демону как бы становится тесно в рамках привычной романтической схемы. Персонаж кажется загадочным уже потому, что выступает в роли побежденного и страдающего существа. Ощущение загадочности усугубляет то, что обитатель надземных высот Демон внезапно «вырван» из своего отчуждения, из романтической одномерности, и погружен в коллизию «человеческой» страсти – любви к земной женщине.

С этого, собственно, и начинаются упомянутые «метания» героя.

В основу сюжета «Демона» полагается прельщающее воображение предание о сынах неба, сходящих к дочерям человеческим как к женам. Но – из Библии слова не выкинешь. Впрочем, этот союз сначала мыслится Демоном как сугубо *духовное единение* – он рисует перспективу освобождения женской души от земных страстей:

Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, –
Но дни бегут и стынет кровь!

[37, с. 531].

Т. е., все же в Демоне сохраняется его ангельская природа, которая, по Псевдо-Дионисию Ареопагиту, даже в вожделениях сохраняет «любовь к невещественности, непостижимую и неизреченную для нас» [38, гл. II, § 4]. Однако в конце монолога Демон жарко выдыхает исполненное уже как бы чисто земной чувственности, жажды «воплотиться», вожделение:

Я дам тебе все, все земное –
Люби меня!..

[39, с. 533].

Но от прикосновения уст духа Тамара гибнет – человеческому естеству не дано соединиться с естеством Демона, дать ему новую жизнь.

Что же понудило Лермонтова обратиться к столь эпатажному материалу, который был насыщен энергией поругания *sacrum*? То, что Лермонтова будто бы увлекали «сила и энтузиазм Зла» (Б. Эйхенбаум), верно лишь отчасти. Гораздо сильнее волновало автора то, что Демон в своей богооставленности *страдает* – именно оттого, что «призвание» его состоит в том, чтобы вредить людям. И вдруг – вместо банального «погубления сатаной» грешника – Ее Величество Любовь... Тамара, вопреки ожиданиям, вызывает в Демоне вихрь совершенно человеческих чувств и надежд. Это определяет сюжетную задержку и эмоциональное удивление читателя. Демон стремится во-человечиться, что тормозит выполнение им своей основной функции. Тамара все же будет погублена, но прежде перед нами развернется попытка во-человечения и пробуждение в погибшем и отреченном существе надежды на *vita nuova*:

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,

Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой
[40, с. 523].

И, поскольку читательское ожидание нарушено, фабула становится особо интригующей. В «Демоне» присутствует определенная заданность: ведь романтический характер строится на одной-единственной, «идеализирующей» черте, в отличие, скажем, от реалистического «Героя нашего времени», где выступает уже многоуровневость личности (пять речевых масок Печорина, согласно Е. Г. Эткинду [41]). В данной ситуации это – беспредельное одиночество, замкнутость на себе. Но сам же автор эту романтическую однозначность и разрушает. В итоге Демон замкнут, как в магический круг, в свое неизбывное одиночество и, извергаемый мирозданием, впадает в состояние еще более глубокого, бесповоротного отчаяния.

Итак, Демон обольщал самого себя, надеясь вочеловечиться через обладание Тамарой. Томящийся в своей одинокой бесплотности, он остается убийцей и обманщиком, и он у Лермонтова – не прощен.

Молодой поэт, вкусивший соблазна бескрайнего индивидуализма Модерна, «отрекается от сатаны», невзирая на всю безмерность страдания последнего, и следует отметить отличие позиции русского поэта от позиции Байрона, породившего в Европе настоящий девятый вал сопереживания страдающему Духу Зла (Люцифер в «Каине»). Дальнейшая эволюция «демонического героя» – уже вполне отчужденный от автора образ Печорина из «Героя нашего времени», погруженного в совершенно иное художественное пространство, характеризующегося принципиально иным способом художественного обобщения и суммой иных, «романных» приемов психологизации. Но это уже тема для другого исследования.

Литература:

1. Мень А. В. Исагогика : Курс по изучению Свящ. Писания. Ветхий Завет / Александр Владимирович Мень. – М. : Фонд им. А. Меня : Общедоступ. правосл. ун-т, 2000. – 631 с.
2. Лотман Ю. М. Статьи по истории русской литературы XVIII–первой половины XIX в. / Юрий Михайлович Лотман // Избранные статьи: В 3 т. – Т. 2. – Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.
3. Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / Владимир Сергеевич Соловьев. – М. : Книга, 1991. – 573 с.
4. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Дмитрий Сергеевич Мережковский. – М. : Сов. писатель, 1991. – 489 с.
5. Вольперт Л. И. Лермонтов и литература Франции (в Царстве Гипотезы) / Вольперт Лариса Ильинична. – Таллинн: Фонд эстонского языка, 2005. – 320 ст.
6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Юрий Михайлович Лотман. – СПб: Академический проект, 2002. – 544 с.
7. Лотман Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира: Энциклопедия. – В 2 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 58–65.
8. Нольман М. Лермонтов и Байрон / М. Нольман // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. 1-й. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. – С. 466–515.
9. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // Борис Михайлович Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. – Сб. ст. – Л. : Худож. лит., 1986. – 456 с.
10. Пульхритудова Е. М. «Демон» как философская поэма / Е. М. Пульхритудова // Творчество М. Ю. Лермонтова. – М. : Худож. л-ра, 1964. – С. 76–105.
11. Пульхритудова Е. М., указ. соч.
12. Удодов Б. Т. Психологизм в творчестве М. Ю. Лермонтова / Удодов Борис Тимофеевич // Вопросы поэтики литературы и фольклора.– Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1976. – С. 117–137.
13. Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. / Лидия Яковлевна Гинзбург. – Л.: Худож. лит-ра, 1940. – 233 с.
14. Гинзбург Л. О психологической прозе / Лидия Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 415 с.
15. Федоров А. В. Введение в литературоведение. Учебник для вузов / А. В. Федоров. – М. : Оникс, 2007 (раздел «Романтический психологизм»).
16. Карельский А. В. От героя к человеку (Развитие реалистического психологизма в европейском романе 30–60-х годов XIX в.) / Альберт Викторович Карельский // Вопросы лит. – 1983. – № 9. – С. 81–122.
17. Васильев С. А. О незамеченном библейском источнике поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» / С. А. Васильев // Филологические науки. – 2005. – № 3. – С. 24–32.
18. Захариева И. Религиозно-нравственный ракурс осмысления поэзии М. Ю. Лермонтова (Вл. Соловьев, Дм. Мережковский, Д. Андреев) / Ирина Захариева // Болгарская русистика. – 2007. – № 3–4. – С. 36–42.
19. Зайцева И. А. Формирование художественного психологизма в прозе М. Ю. Лермонтова / Ирина Аркадьевна Зайцева: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. – М. : Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, 1983. – 200 с.
20. Семенова М. Л. Лермонтов и Байрон: к вопросу о типологии романтического героя : Мария Леонидовна Семенова: дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : спец. 10.01.01, 10.01.03 : М. : Коломен. гос. пед. ин-т, 2003. – 207 с.
21. Как в свете христианского учения можно оценить «Демона» М. Ю. Лермонтова? Отвечает иеромонах Иов (Гумеров). – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/answers/6861.htm>
22. Назаров М. Между пророком и демоном / Михаил Назаров // Parus. – 2013. – Вып. 25. – Электронный ресурс. – Режим доступа: parus.ruspole.info/node/4448
23. Нестор, иеромонах. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» в контексте христианского миропонимания / иеромон. Нестор (В. Ю. Кумыш). – СПб.: Д. Буланин, 2007. – 173 с.
24. Пульхритудова Е. М., указ. соч.
25. Дьяконова Н. Я. Лирическая поэзия Байрона / Нина Яковлевна Дьяконова. – М.: Наука, 1975. – 168 с.
26. Нольман М., указ. соч.
27. Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова.
28. Герасименко Л. А. «Демон» Лермонтова и традиции философско-символической поэмы романтизма / Л. А. Герасименко // Славянские чтения. – В. 3. – М-лы научно-технич. конф. – Кишинэу : Славянский университет республики Молдова, 2005. – С. 83–88.
29. Алексеев П. В. Восточный текст в поэтике М. Ю. Лермонтова / П. В. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 374. – С. 7–10.
30. Пигалев А. И. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека / Александр Иванович Пигалев // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 50–60.
31. Эйхенбаум Б. М., указ. соч.
32. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви / В. Н. Лосский. – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.vehi.net/vlossky/06.html
33. Лермонтов М. Ю. Демон. Восточная повесть / Михаил Юрьевич Лермонтов // Собр. соч. – В 4-х т. – М. – Л., АН СССР, 1959. – Т. 2. Поэмы. – С. 504–541.
34. Отто Р. Священное. О рациональном в идее божественного и его соотношении с иррациональным / Рудольф Отто. – СПб : Изд-во СПбГУ. – 2008. – 274 с.
35. Эйхенбаум Б. М., указ. соч.
36. Фохт У. Р. Лермонтов: Логика творчества / Ульрих Рихардович Фохт. – М.: Наука, 1975. – 190 с.
37. Лермонтов М. Ю. Демон.
38. Дионисий Ареопagit. О Небесной иерархии // Мир Ангелов и демонов и его влияние на мир людей. Православное учение о добрых и злых духах / Дионисий Ареопagit. – М.: Свято-Филаретовский

православно-християнський інститут, 2006. – С. 374–375.

39. Лермонтов М. Ю. Демон.

40. Лермонтов М. Ю. Демон.

41. Эткінд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоетики русской литературы XVIII–XIX вв. / Ефим Григорьевич Эткінд. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 448 с.

Абрамович С. Д. Магічне коло романтичного характеру в «Демоні» Лермонтова

Анотація. У статті досліджується спосіб художнього узагальнення у поемі Лермонтова «Демон». Вихід за межі романтичного, однозначного характеру тут, при всьому багатстві психологічного малюнка, не здійснився, що, на відміну від героїв Байрона, зумовлено традиційною християнською аксіологією, яка не припускає «прощення сатани».

Ключові слова: біблійний сюжет, образ демона (сатани), романтизм, ідеалізація як спосіб художнього узагальнення.

Abramovich S. Magic Circle of romantic's character in Lermontov's poem «Demon»

Summary. The paper investigates the way of artistic generalization in Lermontov's poem «The Demon». Going beyond the romantic, simple character here, with all the richness of the psychological figure, never realized that, unlike the characters in Byron, due to traditional Christian axiology, not allowing «Satan's forgiveness».

Key words: biblical story, the image of the Demon (Satan), romanticism, idealization as a way of artistic generalization.